

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Е. В. Брызгалина (Москва)

Автор раскрывает основные тенденции развития образования в современном глобальном мире, выделяет общие тренды, обусловленные взаимовлиянием науки и образования, анализирует условия отставания института образования от развития науки (в представлении мира как нестабильного и неустойчивого, в ориентации на междисциплинарность, в соотношении фундаментального и прикладного знания, в оценки роли гуманитарных наук). В контексте взаимодействия науки и образования автор представляет оригинальное видение перспектив внедрения компетентностного подхода к оценке результатов образования.

Ключевые слова: наука, образование, тенденции развития, компетентностный подход.

SCIENCE AND EDUCATION: THE CURRENT TRENDS IN THE GLOBAL WORLD

E. V. Bryzgalina (Moscow)

The purpose of the article is to reveal the author's vision of the main trends of education in today's global world. There are some common trends, conditioned by the mutual influence of science and education. The author analyzes the conditions of the gap between the institute of education and the development of science, while considering the world as volatile and unstable, in the orientation on inter-disciplinarity, in the relation between fundamental and applied knowledge, in the evaluation of the role of humanities. In the context of interaction between science and education, the author presents new horizons for the introduction of the competence approach to the assessment of educational outcomes.

Key words: science, education, development trends, the competence approach.

Современный мир глобальной коммуникации и глобальных социально-экономических изменений стал фоном и фактором трансформационных процессов всех социальных институтов. Образование и наука как социальные институты глобального мира обладают, без сомнения, собственными внутренними закономерностями развития, однако можно говорить о сопряженных общих тенденциях их изменений во времени. Понятие «тренд» связано с указанием на идеи и новации, которые станут реальностью в будущем. В отношении науки и образования выявление такого рода

© Брызгалина Е. В., 2012

Брызгалина Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии образования философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: evbrz@yandex.ru

трендов возможно только на самую ближайшую перспективу, поскольку содержание науки обновляется чрезвычайно быстро, а содержание образования, хотя и сохраняет инерционное отставание от науки (по крайней мере, для школьного образования это можно утверждать определенно), но по форме в значительной степени, как и наука, зависит от политических решений и социальных изменений. То есть реальность образования и науки достаточно трудно предсказуемы в своих деталях. Более определенно можно говорить о «трендах» как об основных тенденциях изменений.

Сторонники определения специфики современного этапа развития науки с помощью понятия «постнеклассическая наука» указывают на его основное отличие от классической и неклассической науки. Оно состоит в том, что знание уже не ориентируется на отображение реальности, существенных свойств мира, пусть даже с констатацией принципиальной невозможности исключить познающего субъекта. Постнеклассическая наука ориентируется на создание знания-инструмента, получение и применение которого обязательно должно включать ответ на вопрос, каковы ценности человеческого существования, каковы перспективы существования человечества в свете применения новых технологий. Зачастую эти вопросы персонифицируются и касаются семьи, отдельного автономного субъекта. Современные формы научной деятельности предполагают аксиологическую оценку содержания и способов познания. Для ее осуществления на наших глазах формируются новые институциональные формы проведения такой оценки – этические комитеты, бюро социальных экспертиз научных программ и прочие. Значительно обостряются дискуссии по проблеме этики науки: несет ли наука ответственность за последствия применения ее разработок; если у технологии есть негативные стороны, то не следует ли обвинить в этом ее прародительницу – науку?

В упрощенном виде ответ таков: ученый, не имеющий возможности контролировать применение своих открытий, не несет ответственности за их употребление в целях, противоречащих интересам человечества. Такая позиция имела место в истории науки XX века. Однако в современных условиях такой простой ответ не может быть принят. Сообщества ученых все чаще накладывают на себя ограничения, связанные с добровольным отказом от проведения рискованных исследований в областях обширного незнания. Возникает сложная ситуация взаимодействия правовых и этических форм регулирования научных разработок.

Отсюда возникает достаточно новое требование к подготовке специалистов в системе образования. Образование должно строиться на базе сочетания естественнонаучных и гуманитарных знаний, диалога двух культур. Получение знаний в прорывных областях науки, связанных с познанием человека, применение знаний в виде технологий требует оценки последствий их применения (например, в области нанотехнологии, генной инженерии, информационных технологий). Специалисту в этих и многих других областях приходится решать социально-этические проблемы нового типа и профессиональные задачи, которые требуют от специалиста владения целостной картиной мира, понимания места человека в мире, отношения человека к миру и к себе самому. Такая картина складывается именно в результате полноценного системного образования.

Однако в большинстве стран реформы образования идут под лозунгом именно отказа от «излишней» фундаментальности в пользу практико-ориентированных форм, уровней и содержания образования. И, казалось бы, на первый взгляд это совпадает с тем, что стало ясно в конце XX века: ни одной отрасли научного знания не удалось в том или ином виде избежать технологического применения. Большая часть современных наук живет именно за счет подпитки со стороны технологических приложений.

Это обстоятельство превращает в анахронизм разделение наук на фундаментальные и прикладные. Фундаментальная наука подразумевает приобретение знаний ради них самих, без вопросов о том, как их использовать, и будут ли они использованы вообще, она основана только на стремлении человека к расширению кругозора. Проблемы, возникающие внутри самой науки, называются фундаментальными, в отличие от прикладных проблем, которые ставятся перед учеными извне (то есть при наличии внешних заказчиков).

Цели самой науки в XX веке более явно определяются и диктуются внешними факторами, на второй план отходит внутренняя логика ее развития и любознательность ученых. В определении познавательных целей науки все чаще начинают играть решающую роль не внутринаучная логика постановки проблем, а внешние для науки цели – цели экономического, социального, политического, культурного характера. Современная наука в значительной степени коммерциализируется. Это проявляется в том, что достижения, открытия и изобретения ученых все более явно становятся товаром. Это особенно ярко проявляется в патентовании, например открываемых генетиками генов, стволовых клеток и т. д. Патент – это рыночная форма научного знания, это товар, который предлагает наука. Неудивительно, что в организационной структуре научных лабораторий и институтов появляются рыночно ориентированные структуры – патентное бюро, группы маркетинга, отделы public relations и т. п.

Сходный процесс коммерциализации охватывает и образование. Государство как ключевой субъект образования стремится минимизировать расходы бюджета на образовательные цели. Отдельные образовательные учреждения ставят главной целью деятельности извлечение прибыли, субъекты образования относятся к образованию как к услуге. Наблюдается распространение прагматического отношения к изучаемому на фоне рыночного отношения к образованию: если я покупаю товар – образование, то его рыночная стоимость для меня определяется тем, как его можно продать будущему работодателю, зачем платить лишнее за невостребованное знание. И в статус такого невостребованного знания попадает как раз та ценностная компонента, обеспечивающая целостность картины мира, та подлинная фундаментальность, понимаемая как оптимальное соотношение специализированной и общекультурной подготовки, о которой говорилось выше.

Ряд мыслителей считают, что у истины имеется приоритет перед моралью, и обосновывают это утверждение ссылками на относительность и изменчивость морали, и абсолютность и вечность истины. Расширение горизонтов знания, прогресс технологий ради обеспечения высокого качества жизни, обеспечение доступа к науке и культуре широчайшим кру-

гам населения – все это имеет положительный нравственный оттенок. Противники этой точки зрения считают, что человеку и человечеству не всякое знание необходимо, наука уводит от ценностей, порождает отчуждение человека от мира смыслов. Индустриальные технологии порождают определенный тип культуры, в которой жизнедеятельность человека проходит в технологической среде. При этом сама технологическая среда в определенный момент отчуждается от человека, выходит из-под полного его контроля. Уже не человек формирует среду, сама технологическая среда формирует человека, деиндивидуализирует его, отрывает от природной сферы, ставя в среду машинную, искусственную. Поэтому, кроме конструктивного значения, индустриальные технологии имеют и очень сильное деструктивное значение, разрушая природу и человеческую личность.

Стоит обратить внимание на то, что на указанную тенденцию начинает работать система образования. Проблему корреляции постмодернизма и постнеклассической науки обозначил Жан-Франсуа Лиотар [1]. Он выдвинул гипотезу об изменении статуса познания в контексте постмодернистской культуры и постиндустриального общества. Постнеклассическая наука характеризуется Лиотаром как антимодель стабильной системы, которая связана с открытым обществом и открытой культурой постмодернизма. Она отличается ориентацией на воображение, новые идеи, разногласия, непрозрачность, «облака» языковой материи, ее цель состоит в стремлении к непознанному в науке, неисчерпаемому в языке искусства.

Оформляющаяся компетентностная парадигма образования основана уже не на воспроизводстве готового знания, а на готовности индивида к действию в разнообразных ситуациях. В образовании отказ от передачи знаний о мире порядка, от воспроизводства готового знания происходит чрезвычайно тяжело, при условии, что на ранних ступенях образования абсолютный отказ от трансляции готового знания просто невозможен. Но и в системе высшего образования слова студентов: «не рассказывайте, что может быть так или иначе, скажите как надо, мы это запомним и будем воспроизводить» – звучат очень часто. Сознание как бы сопротивляется пониманию изначальной сложности мира, осознанию его принципиальной неопределенности, принятию необходимости личностного выбора. Но на уровне глобального тренда образования понятно, что наука как база содержательного наполнения образования изменилась, что однозначно описать и контролировать реальность невозможно. Поэтому акцент должен быть перенесен на контроль человеком себя в ситуации. И образование ориентируется на подготовку людей к неопределенному и, в значительной степени, не регламентируемому и непредсказуемому будущему.

Однако от прежней традиции образования сохраняется стремление научить алгоритму, но теперь уже алгоритму действия, научить реагированию в различных ситуациях. Образование ставит задачу сформировать психологическую и социальную готовность индивидов к самоизменению при изменении окружающих обстоятельств. Для достижения этой цели в процессе образования особое внимание уделяется формированию таких индивидуальных особенностей, как готовность к обучению в течение всей жизни, существованию в нестабильной социальной, профессиональной, жизненной среде, способность к личностному выбору, причем этот при-

оритет стал касаться не отдельных членов общества, как ранее, а подавляющего большинства населения.

Но важно обратить внимание, что оборотной стороной такой готовности становится отсутствие рефлексии над пределами изменений собственных установок и личностных характеристик. Тип личности, который воспроизводится системой образования, ориентирован на достаточно конформное поведение, на сохранение определенного уровня стабильности – в условиях нестабильного взаимодействия природы и социума и нестабильности глобального мирового развития.

Признаком образовательных инноваций рассматривается внедрение в учебный процесс тренингов, деловых, ситуационных, прогнозных, модельных игр, интерактивных образовательных технологий. А. П. Огурцов, отмечая, что «постмодернистский способ мысли оказался созвучным глобальным информационным технологиям», указывает, что глобальная информационная сеть дает новые электронные формы коммуникации, которые входят не только в пространство науки, культуры, но и системы образования. Дистанционное образование, виртуальные университеты основаны на новых информационных технологиях и ориентируются на работу с текстами в электронном виде, на интертекстуальность. Кардинально меняется роль преподавателя: «он уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств в деле передачи установленного знания или чем междисциплинарная группа в деле разработки новых технических приемов или новых игр» [2]. На базе американских (в основном) университетов формируется проектная модель образования: в ходе ее реализации необходимы игра и тренажерные имитации, целевые проектно-программные работы.

С точки зрения социальных последствий, важно обратить внимание на то, что именно игровые методики делают людей, воспитанных на базе указанных технологий, более терпимыми к любым возможным будущим ситуациям, а значит, предсказуемыми и конформными. Тем самым, современное образование апеллирует не только к относительности знания, но и к относительности ценностей. В зависимости от ситуации профессионал должен быть готовым поступить различным образом. Такое образование не дает учащимся ориентиров стабильности в их будущей профессиональной деятельности. Отсутствие стабильных ориентиров в профессиональной деятельности оказывается связанным с отсутствием ориентиров в морали.

Технологические новации позволяют институтам образования готовить человека, способного к постоянному изменению окружающих обстоятельств, как и к изменению себя. Получается, что инновации оборачиваются все тем же стремлением получить на выходе из образовательных институтов человека социализированного. В отличие от прошлого, современное образование ориентирует учащегося не на воспроизводство ценностей, а на выработку своих собственных критериев оценки собственного поступка и поступка другого. Причем такая выработка критериев далеко не всегда укладывается в рамки одобренных или допускаемых обществом ориентиров. Ориентация образования на готовность к постоянным изменениям провоцирует на выход за пределы этих рамок как в

мысли, так и в поступке. Однако стабильность западного общества, западной системы ценностей – в значительной степени миф. Образование в данном случае выступает как реализация конкретного прогнозного социального мифа. Овладение знанием ради практического применения все больше приводит к тому, что знание утрачивает статус самоценности, безотносительной к утилитарному приложению образования. Знание объявляется ценным только при наличии возможности его непосредственного использования и достижения практического результата.

На словах современная идеология общества ориентирует образование на воспитание индивидуальности. Но это «ложное сознание». Обществу необходима не индивидуальность, а вписанность индивида в общество, его принципиальный конформизм к общественной системе, в том числе к ее изменениям. Кроме того, индивидуальность требует «штучного» воспитания, в то время как все реально работающие воспитательные технологии ориентированы на массовое « типовое » воспроизводство. Образование ориентирует новое поколение на изменчивость жизненного процесса, кратковременность его жизненных ситуаций, разнообразие способов и критериев их разрешения. Поэтому индивидуальность с развитой рефлексией над собой и обстоятельствами менее продуктивна с точки зрения способности к реальному действию, достижения успеха в этом действии.

Перспективы образования часто связывают с быстрым вытеснением новыми формами коммуникации, новыми вариантами образования, опирающимися на цифровые технологии, традиционных форм обучения. Однако традиционные формы образования вряд ли потеряют свое значение. Приведу несколько аргументов: приобретение межличностных навыков – важный побочный продукт образования. На эти навыки можно получить только путем эмоционального развития, являющегося результатом взаимодействия людей, что требует обязательной практики отбытия из дома и жизни, обучения и формирования привязанностей в университетском сообществе на стадии формирования личности. Получение выпускниками навыков человеческого общения сопровождается появлением большого количества потенциальных работодателей, которые так или иначе окажут влияние на сохранение высших учебных заведений, дающих такие навыки. Для современной науки, которая связана с коллективной деятельностью, когда достижение результата исследователем-одиночкой, который работает вне исследовательского коллектива, крайне маловероятно, навыки коммуникации, формирующиеся в системе формального традиционного образования, оказываются весьма важными.

Кроме того, значимость гуманитарной составляющей образования, о которой шла речь выше, требует изучения гуманитарных наук, а оно, в свою очередь, требует обязательного присутствия человека, личного общения для обсуждения и объяснения философских или литературных текстов.

Следовательно, образование с использованием компьютерных технологий, как правило на расстоянии, более дешевое и получаемое в максимально удобное время, будет расширяться, будет возрастать его популярность. Но этот метод не отвечает всем потребностям высшего образования, особенно образования, примененного для целей развития самой науки.

Ранее наука была нацелена на все более полное познание отдельного фрагмента реальности – предмета конкретной дисциплины. Современное естествознание представлено множеством наук со своими предметами, что является результатом процессов дифференциации и интеграции. Наука длительное время развивалась через аналитизм – стремление к познанию деталей объекта. Этот подход, лежащий в самом фундаменте научного подхода к действительности, вполне отвечает стремлению человека практически овладеть предметным миром. Искусственная изоляция какой-либо части реальности дает возможность ее углубленного изучения, однако при этом не учитывается связь этого объекта со средой. Данное обстоятельство может оказаться малосущественным в рамках конкретного исследования, но влечет за собой важные негативные последствия, когда результаты подобного исследования вовлекут в практику человеческой преобразовательной деятельности. Каждый акт изменения человеком природной среды не ограничивается какой-либо одной ее областью, а имеет, как правило, большие отдаленные последствия.

Именно аналитизм новоевропейской науки воспринимает образование индустриального и постиндустриального общества. Образование, по сути, «становится некоей калькой с системы наук и искусств, в которой совокупность отчужденного знания упаковывается в учебные программы и предметы и транслируется по конвейеру новым поколениям» [3]. Субъективность становится чертой ошибочного, искаженного знания, в котором негативную роль играет чувственность, эмоциональность, пристрастность индивида. Формируется взгляд на окружающий мир как на огромный резервуар примеров, подтверждающих догматичные истины. Человек привыкает замечать вокруг себя такие факты, которые иллюстрируют правильность выученного, а на остальное человек старается не обращать внимания, прежде всего на противоречия в объяснении объектов определенного класса, их включенность в систему более высокого уровня.

Обучающие программы, построенные в рамках такой образовательной парадигмы, характеризуются широким кругом вопросов и одновременно поверхностностью в их изложении. Э. Фромм «Иметь или быть»: «чего только ни предлагают на этом «шведском столе знаний» – от философии и искусства Древней Индии до экзистенциализма и сюрреализма. Учащимся достаточно отведать по кусочку от разных блюд для того, чтобы чувствовать себя свободно и непринужденно, никто не побуждает их сосредотачиваться на каком-то одном предмете и ладе не настаивает на том, чтобы они дочитывали книгу до конца» [4]. Обостряется проблема отбора научного материала для конкретных ступеней и уровней образования. Адекватная сложность представлений о сложных объектах не достигается даже на уровне профильного профессионального образования, поскольку на первый план выходит технологическая успешность применения знаний, а не их полнота и системность.

Кроме того, образование остается на уровне наглядности. При всей наглядности экспериментов с падающими шариками, движущимися по плоскости брусками, нагреваемыми объемами, превращениями веществ, электрическими цепями очевидно, что понимать поведение этих простых объектов необходимо. Но наглядности недостаточно для понимания со-

временной науки, отказывающейся от принципа наглядности. Многие фундаментальные, например физические представления, такие как корпускулярно-волновой дуализм, представления об относительности пространства-времени, не укладываются в поле синонимичного рассмотрения «знаю, то есть могу визуально представить». Можно сказать даже еще более жестко, развитие технического оснащения процесса образования (интерактивные доски, онлайн-трансляции лекций, вебинары, научные фильмы и прочие средства) возвращает образование к образу науки прошлого.

В образовании, ориентированном на наглядность и аналитичность, отсутствует целевая установка на достижение понимания противоречий, из которых возникает знание. Исторический и логический путь поиска знаний остается вне пределов рассмотрения, знания становятся в представлении обучающихся суммой примеров, подтверждающих готовую истину.

Образование, предполагающее отношение к знанию исключительно с точки зрения обладания, является лично отчужденным образованием. Трактовка целей образования через знание ставит школу в сложную ситуацию: объем знаний и количество дисциплин растут на несколько порядков быстрее, чем совершенствуются методы и содержание образования. Попытки выявить так называемые базисные знания или основы наук пока не удаются. Причем знающий человек не всегда является способным и понимающим, а хороший специалист часто ограничен в личностном плане.

Однако в реальности объекты функционируют как целостные образования, современная наука развивается путем выдвигания на первый план междисциплинарных, комплексных и проблемно ориентированных форм исследований. Их особенностью является объединение специалистов, представляющих различные области знания. Такая форма организации научной деятельности позволяет при обращении к сложным системным объектам использовать данные частных наук как фрагменты целостной картины, объединить решение фундаментальных и прикладных задач. К такой профессиональной деятельности система высшего, в основном университетского образования, и должна готовить. Можно привести отдельные примеры перспективных направлений, ориентированных на междисциплинарность (например, факультет наук о материалах в МГУ имени М. В. Ломоносова) в системе образования нашей страны. Роль и удельный вес такого рода образовательных программ должны расти очень высокими темпами.

Сами объекты междисциплинарных проблемно ориентированных исследований являются сложными, саморазвивающимися системами. Такие системы представляют собой более сложный тип объекта даже по сравнению с саморегулирующимися системами, так как с течением времени они формируют новые уровни своей организации, изменяют свою структуру, характеризуются принципиальной необратимостью процессов и т. п. Среди таких систем особое место занимают природные комплексы, в которые включен человек (объекты экологии, медико-биологические объекты, объекты биотехнологии, системы человек – машина и др.)

Для их описания и предсказания возможных состояний таких развивающихся объектов формируются особые способы описания, предполагающие построение сценариев возможного поведения. Результаты экспери-

ментов с объектом, проведенных, когда объект находится на разных этапах развития, могут быть согласованы только с учетом вероятностных линий эволюции системы. Изменчивость поведения объекта, его историчность требуют применения методов исторической реконструкции объекта. Естественным из гуманитарных наук заимствуется идея истории и прогресса, прогресс становится атрибутом природы. Идеал исторической реконструкции сложился в гуманитарном знании и успешно применяется при исследовании природных объектов как в областях, традиционно исследующих развивающиеся объекты (биология, геология), так и в современной космогонии и космологии. В биологии распространяются лингвистические метафоры при решении проблемы развития. Истина приобретает форму истории. Описание Метагалактики как сложного и развивающегося объекта может быть охарактеризовано как историческая реконструкция, направленная на описание возможных направлений эволюции. Наука сегодня имеет примеры проблемно ориентированных построений, что позволяет представлять целостную картину возникновения и развития Метагалактики, появления жизни на Земле и основных стадий ее развития, происхождения человека и т. д. Кроме этого, сама наука анализирует закономерности своего возникновения и развития, взаимодействия с другими формами культуры.

В качестве идеального тренда сопряженного развития образования и науки возможно говорить о сбалансированности образовательных государственных нужд и предпочтений личности, о гармоничном соединении внутренних и внешних факторов развития науки. Почему этот вариант сегодня не рассматривается как цель трансформации мировой системы образования и науки в целом, и национальных систем в частности? Этот тренд требует демократических отношений между различными государственными, социальными и бизнес-структурами; распространения высокотехнологических производств, информационных технологий и научных исследований, благодаря которым создается основной достаток государства; обеспечения преподавательскими и исследовательскими кадрами высшей квалификации системы образования и науки; наличия необходимого объема средств, направляющихся на жизнеобеспечение системы образования и науки. Функционирование системы «образование-наука», созданной на основе такого тренда, требует довольно масштабного ресурсного (в том числе и финансового) обеспечения, что может отважиться далеко не каждое современное государство.

Даже если какое-либо государство направит достаточный объем финансовых ресурсов на обеспечение системы образования, все равно – практически ни одна страна не имеет в необходимом объеме других ресурсов: интеллектуальных, методических, технологических, управленческих и т. п.

Более того, ни одно государство не усматривает целесообразности в приближении собственной системы образования к такому сбалансированному варианту интересов государства и личности, поскольку повышение общего уровня образования в обществе при сбалансированности общественных нужд и нужд личности реально не рассматривается как благо. Обратной стороной такого варианта развития науки и образования, выстроенного в национальном масштабе, неизбежно будет активизация экс-

порта национальных высококвалифицированных трудовых и академических ресурсов и их «количественное замещение» за счет мигрантов – носителей совершенно иной культуры, традиций и ценностей.

Таким образом, изменения в современной науке, отражающиеся в понятии «постнеклассическая наука», оказывают существенное влияние на образование, обостряется проблема отбора материала, проблема соотношения фундаментального и прикладного. Желание государства получить отдачу при минимизации вкладываемых в науку средств ведет к коммерциализации науки, превращению знания в товар. Современная наука открывает мир нестабильного неустойчивого будущего, фрагментарность знаний о котором принципиально недостаточна.

Объективная инертность образования как социального института не может быть преодолена, однако нельзя не заметить существенного отставания образования от содержания и форм современных научных знаний. При возрастании роли гуманитарной компоненты в науке в образовании складывается недостаточно внимательное отношение к гуманитарным дисциплинам. Образование демонстрирует неготовность к междисциплинарности и подлинной фундаментальности знаний на фоне прагматической ориентации субъектов познания. Невозможность отражения в системе образования нестабильной картины мира, рисуемой наукой, связана с переходом к компетентностной парадигме при оценке результатов науки, последствия введения которой связаны с формированием определенного типа личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lyotard J.-F. La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir. – P., 1979.
2. Огурцов А. П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования // Вестн. Самар. гуманитар. акад. – Вып. Философия. Филология. – 2006. – № 1 (4). – С. 3–27.
3. Смирнов С. А. Человек перехода : сб. научных работ. – Новосибирск : НГУЭУ, 2005. – 535 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть. – М. : Прогресс, 1990. – 238 с.

Принята редакцией: 15.09.2012

УДК 13 + 37.0 + 316.7

ОБРАЗОВАНИЕ И БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. А. Пфаненштиль, Л. Н. Пфаненштиль, М. П. Яценко (Красноярск)

В статье исследуются актуальные проблемы образования и развития современной России в условиях глобализации, обосновывается необходимость соответствия проводимых реформ ее историческим традициям и типу общества.

Ключевые слова: *глобализация, образование, традиции, реформы.*